

Нарративный анализ стратегий самораскрытия женщин с лесбийской идентичностью

Чернов А.Ю.

В статье рассматриваются основные положения нарративного направления качественного психологического исследования. Нарративное исследование в психологии может иметь различные теоретические основания. Вместе с тем, в наибольшей мере положениям качественного подхода к психологическому исследованию соответствуют взгляды на использование нарративов в исследовательских целях, характерные для социально – конструкционистских теоретических позиций.

В качестве иллюстрации в статье представлены результаты исследования стратегий самораскрытия женщин с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Применена исследовательская модель, основанная на качественном подходе к сбору и анализу эмпирических данных. В качестве направления реализации качественного подхода используется анализ нарративов. В работе обосновывается авторская позиция в отношении, как процедуры сбора, так и анализа и интерпретации эмпирических данных. В результате сформулированы три стратегии самораскрытия: выборочное самораскрытие, пробное самораскрытие, косвенное самораскрытие.

Ключевые слова: *качественное психологическое исследование, синтагмический компонент структуры исследования, нарративное направление, маргинальная группа, лесбианизм, нормативный социальный контекст, самораскрытие, анализ повествований (нарративов), выборочное самораскрытие, пробное самораскрытие, косвенное самораскрытие.*

Введение

Качественный подход в психологическом исследовании определяется нами как согласованное и последовательное единство мировоззренческих и методологических позиций, общность теоретических предпосылок и направлений реализации исследовательской практики, совокупность специфических приемов и методов сбора и анализа данных.

Мировоззренческий компонент в структуре качественного подхода устанавливает его положение относительно координат онтологического и эпистемологического пространства. В определении качественного подхода к психологическому исследованию находит отражение онтологическая установка, трактующая внешнюю по отношению к индивиду реальность как результат его собственных ее интерпретаций. Эпистемологически в качественном подходе реализованы преимущественно конструктивистские позиции, согласно которым знание имеет субъективный и интерсубъективный характер. Прагматический компонент структуры качественно-го подхода устанавливает правила применения методов сбора и анализа данных.

На наш взгляд, констатация представленности в структуре исследовательского подхода двух названных компонентов не достаточна для его полного описания.

Оно должно быть продолжено, и задачей становится обращение к синтагмическому компоненту. Синтагма – это цельная смысловая единица, выделяемая в изучаемом феномене. Она подразумевает, что в том или ином компоненте исследуемой структуры существует комбинация элементов, придающих ему целостность и законченность, и, одновременно, оставляющих его «открытым» для взаимосвязи с другими компонентами структуры. Функции синтагмического компонента структуры исследовательского подхода состоят в соединении, «скреплении» его парадигматического и прагматического компонентов.

Искомое «скрепление» осуществляется при посредстве двух элементов синтагмического компонента. Первый – это теоретические основания постановки цели качественного психологического исследования. Цель исследования, в свою очередь, подразумевает формулировку ряда исследовательских вопросов и наиболее общие представления о характере данных и специфике аналитических действий, на которые станет ориентироваться исследователь. Второй «скрепляющий» элемент – теоретические представления о возможном направлении движения к поставленным целям. Мы считаем целесообразным говорить о трех направлениях реализации качественного подхода в психологическом исследовании: феноменологическом, нарративном и дискурсивном. Наша статья посвящена подробному рассмотрению одного из направлений, а именно нарративному направлению реализации качественного подхода в психологическом исследовании.

В ее первой части обсуждаются общие проблемы нарративного исследования в психологии. Мы считаем важным показать, что такое исследование может быть осуществлено с привлечением разных методологических оснований. При этом наиболее близкой к идее качественного подхода является отношение к нарративу, принятое социальным конструкционизмом. Во второй части статьи мы приводим пример собственного исследования, основанного на нашем понимании нарративного направления реализации качественного подхода.

Теоретические источники нарративного дискурса в психологическом исследовании

Нарративная психология изучает формы, структуру и функции повествований в экстра-литературном контексте [35]. Источниками нарративной психологии служат работы российских теоретиков литературы 20-х годов прошлого века, американской школы «новой критики», опыты семиотического анализа повествований в традиции французского структурализма.

Формальная школа литературной критики в России предлагала в качестве основной единицы анализа текста совокупность литературных стилистических приемов, обеспечивающих узнаваемость его структуры. [5]. Одной из самых влиятельных работ здесь была «Морфология сказки» В. Проппа, который сводил разнообразие смыслового содержания славянских сказок к ряду функций («нужда», «поиск» «решение») и набору персонажей (например, «герой», «даритель») [3].

Развивая это направление, американская литературная школа «новой критики» предложила ряд схем анализа Западной литературы. В частности, Э. Фрай рассматривал четыре главных жанра: роман, комедия, трагедия и сатира. По его мнению, эти жанры в качестве категорий могли использоваться для анализа повествований и вне беллетристики.

Позже французская школа структуриализма привлекала лингвистическую теорию Ф. де Соссюра для семиотического анализа повествований. Идеи Ф. де Соссюра использовались в анализе феноменологических процессов сознания, например, интенциональности [6]. П. Рикер считал, что основная функция повествования – исследование «опыта случая», то есть действия, результат которого полностью не определен текстом [4].

Одно из основных положений, зафиксированных в нарратологической литературе, заключается в том, что повествование (нарратив) действует как фундаментальный процесс понимания вне любой специфической литературной традиции. М. Бутор определяет повествование как «один из существенных элементов нашего понимания действительности» [13].

Когда психология проявляет интерес к анализу повествований, центральной становится проблематика «действующего лица». «Действующее лицо» – самый прямой коррелят отношения между рассказчиком и аудиторией. Исследовательский вопрос формулируется в контексте отношения индивида к его собственной истории с ослаблением акцента на фактической стороне сообщения.

Одна из первых схем нарративной психологии использовалась для изучения связи между жизнью и историей, которая рассказана о ней. Дж. Котр анализировал типичные повествования, «которые помещают индивидуальные жизни в контекст коллективных значений» [27]. Он сосредоточил внимание на личной и социальной динамике нарративов и утверждал, что у определенных повествований есть порождающий потенциал, который позволяет людям преодолеть кризисы жизни.

Перспектива совмещения проблем психологии и современного литературного анализа развивалась Дж. Поттером, П. Стрингером, М. Уэзереллом [34]. Например, они предполагали, что теория личности, которая рассматривает черты как основные детерминанты идентичности, совместима с ролями персонажей в литературе. Называя эти роли «кодами интеллигентности», они утверждали, что их использование способствует развитию способности человека позитивно влиять на свою жизненную ситуацию.

Т. Сабрин определял свой проект нарративной психологии, как исследование способа, которым «люди постигают смысл мира через повествования» [39]. Следует отметить, что Т. Сабрин и ряд других авторов делают акцент на клинической или психотерапевтической стороне нарративной психологии. Так, Э. Кин, изучая клинические условия возникновения паранойи, сделал вывод о провоцирующей болезни влиянии нарративов, которые включали в себя катастрофические предсказания будущего, полярность добра и зла, абсолютное противопоставление себя и другого [25]. Психоаналитические интерпретации повествований нацелены на осознание клиентом «нарративного сглаживания», как непродуктивного способа

обретения им чувства полноценности [41] В другом варианте психоаналитической трактовки нарративов Р. Шафер отводит им роль обеспечения условий активного отношения клиента к жизни [40]. Д. Эпстон, М. Уайт, К. Мюррей главной целью нарративной психотерапии считают работу с условиями, управляющими процессом идентификации [20]. Для дальнейшего уточнения функций и исследовательского потенциала нарративов целесообразно обратиться и к положениям когнитивной психологии. В когнитивной психологии человеку отводится роль экспериментатора в «лаборатории жизни». Как экспериментатор, он должен построить теории, которые предсказывают поведение других. Как показывают исследования, посвященные фундаментальной ошибке атрибуции, потребность в контроле и управлении может оказаться сильнее, чем стремление распознавать и оценивать истинное положение дел. Контроль всегда остается частным делом индивида: его осуществление никак не связано с характеристиками окружающей среды, а зависит от интрапсихических процессов. С. Фиске и С. Тейлор излагают этот принцип следующим образом: «Потенциал контроля зависит исключительно от восприятия индивидом возможности выполнить данное действие» [21].

С одной стороны, утверждается, что нарративы не вписываются в эту картину как теоретический конструкт. В отличие от научной теории, повествование содержит элементы, которые нарушают механизмы работы строгой теории, основанной на научных принципах. Сравнивая продукты научной теории и нарратива, П. Робинсон и Л. Хоп приходят к выводу, что «нарратив направляется контекстом, ситуативен, и не поддается проверке экспериментальными методами» [38]. Однако, существует и другая точка зрения. Р. Шафер считает нарративы «картинами действительности». Такая трактовка позволяет рассуждать о них с точки зрения когнитивной психологии. Решающим является то, что «картина действительности» складывается как результат интрапсихической активности. Предметом обсуждения тогда является конгруэнтность образов нарративов действительности и способность индивида контролировать собственные повествования, чтобы они максимально соответствовали действительности. «Плохой» (не конгруэнтный и не контролируемый) нарратив делает человека жертвой обстоятельств. Задача терапии тогда состоит в том, чтобы обеспечить клиента более активными интерпретациями, чтобы «там, где были только события, мог появиться выбор» [40]. Таким образом, и психоанализ, и когнитивная психология располагают нарратив «в голове» изолированного от социальной ситуации человека, не проявляя интереса к его актуальному изложению.

Одной из первых попыток иначе определить научный статус нарративов были работы С.Дж. Брунера [10, 11]. Он различал понятия «парадигматическое рассуждение» и «нарратив». «Парадигматическое рассуждение» тождественно научному объяснению, так как позволяет видеть мир объектов, которые взаимодействуют на основе регулярных образцов. В отличие от этого, нарративы поддерживают субъективную картину мира, в которую индивид включает свои цели, страхи и тому подобное.

С.Дж. Брунер дифференцирует вводимые им понятия, основываясь на ряде критериев. Так, языком парадигматического рассуждения описывается мир фактов,

тогда как нарративы есть способ выражения точки зрения. Парадигматические рассуждения приводят к синхронической картине, где все, что описывается, присутствует в одно и то же время. Нарративы предполагают описание изменений, иногда в течение долгого времени. Парадигматические рассуждения эксплицитны, «нарративы» включают невысказанное знание, которое подразумевается в сообщении.

С точки зрения Дж. Брунера, изучение нарративов с их ориентацией на системы значений, всегда оказывается на вторых ролях. Между тем, по его мнению, парадигматические рассуждения и нарративы имеют одинаковую эвристическую ценность для исследовательской практики. Он обосновывает это положение тем, что нарративы содержат в себе культурно обусловленные образцы, следуя которым, люди понимают себя и социальный мир. В этом смысле они являются предметом для психологического исследования. С другой стороны, Дж. Брунер рассматривает нарративы как систему категорий для организации индивидуального опыта [10]. В этом случае он редуцирует нарративы к разновидности индивидуальной ментальной активности, несмотря на стремление примирить их социальную и интрапсихическую стороны.

Подобное отношение к нарративам формулирует Р. Харре в рамках этогенетического подхода. Р. Харре использует термин нарратив для того, чтобы обратиться к способам, которыми «значения присоединены к действиям». Принимая точку зрения, согласно которой эффективность индивида зависит от обладания им ресурсами, необходимыми для выживания, он противопоставляет две стороны социальной активности. Эти стороны – практическая и экспрессивная – соответствуют дихотомии парадигматического рассуждения и нарратива у С.Дж. Брунера. Экспрессивная сторона социальной активности является источником значений и смыслов. Нарративы относятся к таким сторонам жизни как «приключение», «кризис», «противостояние», где результаты действий не могут быть заранее предсказаны. При этом, как практическая, так и экспрессивная сторона, являются компонентами структуры нарратива. Оппозиция практической и социальной сторон находит выражение в языке. Первая представлена глаголами (для обозначения того, что было сделано), вторая – наречиями (для обозначения того, как что-то было сделано).

Этогенетический подход Р. Харре является важным шагом для объяснения циркуляции значений и смыслов между практической и экспрессивной сторонами социальной активности. Практические значения могут риторически (то есть в языке) трансформироваться в экспрессивные, и наоборот. Вместе с тем, Р. Харре, как и Дж. Брунер, редуцирует экспрессивную сторону к практической, ограничивая ее функцию выражением социального статуса.

Социально-конструкционистский подход к нарративному исследованию

Со второй половины 80-х годов прошлого века нарративная психология была включена в более широкое движение, известное как социальный конструкционизм. В социальном конструкционизме жизнеописания не просто отражают фактические события, а являются средством организации и координации личного и социального

опыта индивида. С одной стороны, они соотносятся с внутренними структурами и эмоциональными состояниями рассказчика (ориентацию на самоидентификацию, на объекты, пространственно-временную и морально-ценностную ориентации). Однако более важно, что нарративы встроены в структуру социального взаимодействия, воспроизводятся в ходе диалога, функционируют как эквивалент речевого акта – просьбы, отказа и так далее. Иначе говоря, нарративы имеют целью оказать на слушателя некое воздействие и вызвать у него отклик – ментальную реакцию или реакцию на поведенческом уровне. Кроме того, одной из важнейших функций нарратива является самопредъявление (self-presentation) в ходе взаимодействия.

В рамках социального конструкционизма нарративная психология обращается к исследованию самости и идентичности. Специфика социального конструкционизма в исследовании self и идентичности состоит в отрицании вероятности обнаружить и описать самость подобно тому, как может быть обнаружен и описан любой объект в физическом мире. Социальный конструкционизм отдает предпочтение «лингвистически генерированной» идентичности [34]. Используя язык, человек постоянно интерпретирует и изменяет значение собственных действий и действий других людей в соответствии со своими практическими и моральными задачами. Следовательно, уверенность в том, что возможно описать своего рода «предсуществующее» self в изоляции от текущих интеракций и интерпретаций, должна расцениваться как заблуждение.

Между тем, утверждение, что человек придает смысл себе и другим людям исключительно посредством речевой активности, оспаривается критиками социального конструкционизма. В частности, И. Паркер считает, что социальный конструкционизм уклоняется от ответа на вопрос: «Каково содержание внутренней жизни людей, когда они используют нарративы?» [31]. По мнению И. Паркера, способность быть рефлексивным составляет ядро сущности человека и является связующим звеном между индивидом и социумом. К сожалению, продолжает он, многие социально-конструкционистские подходы при анализе субъективности имеют тенденцию игнорировать способность человека быть рефлексивным [там же].

Позиция И. Паркера вызывает ассоциации с общим критическим анализом постмодернистского подхода к пониманию психологии, предложенным М. Аугустинусом и И. Уолкером [8]. Их аргументация состоит в том, что «человек как активный и интенциональный субъект отсутствует в подходах, которые преднамеренно избегают признания того, что он обладает способностью к осмыслению себя как self. Результаты изучения self тогда сводятся к описанию индивидуальных дискурсивных актов, репрезентирующих различные социальные действия, главным образом связанные с самопрезентацией. Это приводит к созданию концепций self, в которых «субъективность... сделана настолько контекстно зависимой, текучей и гибкой, что предметом психологии становится лишь флуктуирующий во времени и от ситуации к ситуации опыт» [8, p. 276].

В этой полемике стоит отметить позицию тех, кто всерьез относится к идее разработки исследовательской практики, поддерживающей принцип лингвистического

и нарративного конструирования идентичности с сохранением интереса к индивидуальной природе субъективности [1, 2, 15]. На первый план здесь выдвигается положение, согласно которому идентичность может быть охарактеризована через отношение между человеческим опытом и структурой нарратива [17].

Это положение реализуется в многочисленных исследованиях, предметом которых выступает нарративная практика. В этих исследованиях можно выявить некоторые общие характеристики.

1. Психологические исследования, выполняемые в русле нарративного направления, часто имеют междисциплинарный характер, отмечены параллелями и точками пересечения с этнографическими, феминистскими, дискурсивными и другими исследовательскими практиками.

2. В нарративных исследованиях применяются приемы сбора, анализа, интерпретации данных без обращения к количественным статистическим процедурам.

3. В нарративных исследованиях повествование рассматривается как совместный интерактивный опыт респондента и исследователя. В связи с этим акцент переносится с описания исследуемого феномена, приводящего к иерархичному и структурированному знанию о нем, на диалогические репрезентации исследовательских данных об индивидуальном опыте. Данные анализируются в зависимости от контекста. Так как сущность повествования является эфемерной и личностной, исследователь должен найти способы договориться о значениях и результатах со своими респондентами, используя получаемую от них информацию и привлекая собственный опыт и креативность. Исследователь и респондент разделяют общее пространство, в котором они оба иницируют данные и обсуждают и анализируют их.

4. Несмотря на то, что нарративное исследование часто представляет собой изучение отдельного случая, его результат вполне может быть обобщением индивидуальных стратегий во взаимодействии со специфической аудиторией.

Стратегии самораскрытия женщин с нетрадиционной сексуальной ориентацией в нормативном социальном контексте: опыт качественного исследования

Принадлежность человека к той или иной маргинальной группе имеет для него смысл, выражающий его позицию по отношению к нормативному социальному контексту. Э. Стоунквист, говоря о социально-психологическом статусе маргинализованной индивидуальности, отмечает, что ей предназначено жить в двух обществах, двух культурах [42]. Столкновение этих культур неизбежно. Оно имеет не только внешние проявления, такие как, например, «марш сексуальных меньшинств». «Марш», являясь внешней формой самопрезентации, предполагает наличие у его участников внутреннего конфликта, способом разрешения которого он и служит. Потребность в самораскрытии, с одной стороны, и давление нормативного социального контекста с другой, лежат в основе такого конфликта. Таким образом, предмет нашего исследования составляют стратегии самораскрытия

людей, характеризующихся маргинальной самоидентичностью, во взаимодействии с нормативным социальным контекстом.

Список работ, посвященных изучению данной проблемы, довольно ограничен. Тем не менее, к ней обращается ряд, преимущественно, зарубежных авторов. Например, работа Б. Лимандри, посвященная изучению самораскрытия больных СПИДом, заканчивается выводом, что эти люди оказываются перед выбором, открыть или скрыть факт своей болезни, вступая во взаимоотношения с другими людьми. Противоречивую природу маргинального самораскрытия Б. Лимандри относит к переживанию чувства стыда, заставляющего скрывать истинное положение дел. Однако в то же самое время эти люди испытывают потребность признаться в своей болезни, хотя бы с тем, чтобы иметь возможность получить квалифицированную помощь [29]. Р. Кейн, обсуждая самораскрытие гомосексуальной идентичности, подчеркивает наличие дилеммы в способах его осуществления. Выбирая открытость, гомосексуалист подвергает себя риску оскорблений или насмешек, потери друзей, семьи или работы. Однако и утаивание своей ориентации не избавляет от проблем. Секретность может привести, например, к переживанию чувства вины из-за неискренности во взаимоотношениях с теми, чьим доверием такой человек пользуется [14]. Дж. Уэллз и У. Кляйн также подчеркивают двойственность самораскрытия гомосексуальности. С одной стороны, оно необходимо для развития отношений, с другой – подразумевает риск отвержения [44]. Х. Гершман развивает эту мысль, говоря о «двойной тревожности». Тревожность по поводу открытого переживания своих чувств сопровождается тревожностью, связанной с тем, что лишая себя такой возможности, индивид отказывает себе и в праве быть самим собой [23].

В нашей статье мы обращаемся к редко обсуждаемому в отечественной психологической литературе феномену лесбианизма и рассматриваем стратегии самораскрытия во взаимодействии с нормативным социальным контекстом женщин с нетрадиционной сексуальной ориентацией.

В истоках культурного дискурса лесбианизма обнаруживаются две взаимоисключающие концепции: феминная – о самостоятельности и независимости женского эротического импульса, не нуждающегося в гетеросексуальных контактах, и маскулинная – о лесбианизме как способе замещения мужского начала. Более поздние культурологические версии лесбианизма рассматривают его как одну из форм противостояния общества принципам патриархального контроля и доминирования [16].

В психологических исследованиях женская гомосексуальность проблематизировалась в зависимости от теоретических предположений различных авторов [7, 19, 22, 36].

Например, А. Рич исследовала социальные представления о лесбианизме для того, чтобы выявить структуру и содержание предубеждений по отношению к гомосексуальной женской ориентации [37]. Работа Е. Лиана посвящена изучению динамики взаимоотношений женщин с гомосексуальной ориентацией внутри

«лесбийского сообщества». Она делает ряд заключений о его нормативной и ролевой составляющих [28]. Дж. Юшсер обращается к переживанию опыта гомосексуальной идентичности в контексте психосексуального развития. Ей особо подчеркивается амбивалентность эмоций, сопровождающих приобретение опыта сексуального влечения к представителям того же пола в маскулинном социокультурном контексте [43]. Особо следует отметить работы С. Китзингер, одна из которых – «Социальное конструирование лесбианизма» – положила начало исследованиям женской гомосексуальности в русле психологии постмодерна [26].

Для сбора исследовательских данных нами использовалась следующая процедура. В сети Интернет было определено несколько чатов женщин с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Наш ассистент помещал на нем сообщение с просьбой о сотрудничестве в проведении исследования. Подчеркнем, что этический аспект для нас был важен. Мы сознательно избегали ситуации, в которой могли появиться «наивные субъекты». Поэтому именно исследовательская позиция была заявлена с самого начала. Интересно, что виртуальный контекст установления отношений оказался гораздо более открытым, чем тот, в котором подразумевались бы непосредственные контакты. Желание поговорить о своих проблемах высказали женщины разного возраста, обладающие разным социальным статусом, профессией. При этом попытки поговорить с нашим ассистентом как с потенциальным сексуальным партнером практически отсутствовали.

Процесс получения исследовательских данных состоял из трех этапов. На первом, как уже было сказано, наш помощник представлялся как психолог-исследователь и сообщал о своих целях. Сортировка ответов респондентов (это были письма разного содержания – от просьбы еще раз объяснить, «зачем и кому это надо», до попытки получить бесплатную психологическую консультацию) проводилась для решения следующих задач. Во-первых, было необходимо точно установить характер самоидентификации респондентов. Проще говоря, они сами должны были называть себя лесбиянками, признавать не только склонность, но и практику нетрадиционных сексуальных отношений. Однако для целей нашего исследования констатация самоидентичности была недостаточной. Поэтому, во-вторых, для дальнейших контактов нами были отобраны те, кто, так или иначе, сообщал о затруднениях, испытываемых во взаимоотношениях. При этом рассказы о конфликтах внутри гомосексуальных пар нами игнорировались. Таким образом, нашими респондентами оказывались женщины, идентифицирующие себя как лесбиянки и имеющие затруднения во взаимоотношениях с людьми, разделяющими социальные сексуальные конвенции.

На втором этапе сбора данных мы просили респондентов прислать нам описание эпизодов, случаев, событий, относящихся к сфере их взаимоотношений с людьми с традиционной сексуальной ориентацией – родителями, коллегами, возможно, друзьями. Мы исходили из того, что анализ структуры нарративов и интерпретация их содержания позволяют обратиться к живому непосредственному опыту переживания межличностных отношений.

Требования к нарративам как исследовательскому материалу формулировались нами на двух уровнях – общетеоретическом и конкретно-исследовательском. Общетеоретические критерии к нарративам, выполнение которых позволяло ввести их в пространство психологического исследования, формулировались следующим образом.

1. Нарратив рассматривается как процесс. Это означает, что структура эпизодов повторяется от повествования к повествованию.

2. Нарратив является дискурсивной формацией. Повествования не дублируют друг друга. Вместе с тем, в них воспроизводятся основные темы, относящиеся к их предмету, и способы, которыми эти темы раскрываются.

3. Нарратив разворачивается во времени. При этом в нем не только прослеживается линейная временная последовательность от прошлого к настоящему, но и содержатся точки пересечения времени, возврата в прошлое или перехода в будущее. Эти точки маркируют существенные аспекты повествований, с точки зрения излагаемого опыта.

4. Нарративы являются повествованиями о мире человеческих отношений. Конкретно-исследовательскими критериями стали следующие.

1. Повествование должно быть сделано от первого лица. Тогда его автор становится объектом исследования.

2. Повествование должно содержать обобщения, раскрывающие субъективный опыт автора, разворачивающийся во времени, а не перечисление эпизодов, похожих на те, в которых участвовали другие люди.

3. Текст повествования должен содержать сюжетные линии, подробности личной жизни автора, описания эмоциональных переживаний.

4. Повествование должно раскрывать опыт отношений с другими людьми, их развертывание во времени с тем, чтобы можно было уловить движение опыта, а не получить его «фотографическое» отображение.

Обращение к перечисленным критериям позволило в дальнейшем анализировать только те нарративы, которые представляли исследовательскую ценность и обеспечивали, тем самым, валидность исследования.

Всего нами было отобрано 12 повествований, отвечавших перечисленным критериям. Именно они анализировались в дальнейшем.

Идея нашего подхода к анализу исходного исследовательского материала состоит в реконфигурации нарративов с тем, чтобы распознать в них противоположно действующие силы. Эти силы находятся в диалектических отношениях и составляют согласованное целое. Таким образом, полярные оппозиции обеспечивают связанность переживания опыта отношений. Напряжение, которое испытывает человек, постоянно находясь в «дрейфе» между полюсами сил, отражает динамику отношений [9, 30].

Конкретной методикой анализа данных в нашей работе был вариант структурного анализа текстов, предложенный К. Леви-Строссом. Обычно в нем распознается два этапа. На первом исследователь выявляет существенные, с точки зрения

цели исследования, эпизоды. Существенными в нашем исследовании были эпизоды, относящиеся к описанию непосредственно переживаемых или подразумеваемых отношений. В них респонденты говорили о себе как об участниках отношений, и сами отношения составляли сюжет нарратива. Наряду с выявлением существенных эпизодов сразу проводилась их первичная сортировка. Они были разделены нами на две группы: те, которые подтверждали готовность респондентов к самораскрытию, и те, которые свидетельствовали о стремлении скрыть гомосексуальную самоидентичность.

Второй этап анализа состоит в классификации эпизодов путем их последовательного (например, попарно) сравнения. При этом исследователь отвечает на вопрос: «Являются ли они одним и тем же, похожи ли они друг на друга или различны»? Если ответ: «различны», эпизоды помещаются в разные колонки создаваемой таблицы, если «сходны» – в одну. Таким образом, группы похожих эпизодов зафиксированы в ее столбцах. На втором этапе анализа нами последовательно попарно сравнивались существенные эпизоды повествований, содержащие элементы самораскрытия. В результате мы получили три группы существенных эпизодов повествований. Фрагмент результатов второго этапа анализа приведен в Таблице 1.

Таблица 1

**Результаты классификации повествований,
содержащих элементы самораскрытия (фрагмент)**

1 группа	2 группа	3 группа
1. «В школе мне почти не с кем было об этом поговорить. Я помню ощущение постоянного одиночества и незащищенности. Я всегда мечтала о друге, просто о друге, которому, который бы выслушал и понял меня».	1. «И тогда я спросила: «Мам, а вот что бы ты почувствовала, если бы узнала, что я встречаюсь с девушками?»	1. Каждый раз, когда наш коллектив выезжает за город на пикник, на меня обрушивается целый поток соблазнов по поводу отсутствия мужа или «хорошего парня». Все обсуждают быт, детей, семейные проблемы – а я сижу и молчу, хотя могла бы рассказать многое. Да вот еще, коллеги-мужчины. Люди интеллигентные, но они будто интуицией ощущают, что за мной нет мужчины. Это сложно объяснить, но это меняет многое в отношениях».

После этого нами было проинтерпретировано основное содержание каждой из групп эпизодов. Результатом интерпретации стала дифференциация стратегий самораскрытия женщин, относящих себя к лесбиянкам.

Первая стратегия названа «выборочное самораскрытие» (первая колонка Таблицы 1). Женщины с нетрадиционной сексуальной ориентацией выбирают, кому, когда, где и с какой целью сделать необходимое признание. В некоторых ситуациях и при общении с некоторыми людьми информация скрывается. В других ситуациях и другим людям она предоставляется полностью или частично. При этом важными являются индивидуальные характеристики тех, кому адресуется

самораскрытие и их предполагаемые реакции. В целом эта стратегия отражает стремление разделить мир на две группы: большую, члены которой не осведомлены об «отмеченности», и меньшую, представители которой часто рассматриваются как источник поддержки и помощи.

Вторая стратегия обозначена нами как «пробное самораскрытие» (вторая колонка Таблицы 1). Она используется с целью сделать границы межличностных отношений менее жесткими и заключается в отслеживании реакции партнера на последовательно предоставляемые ему небольшие порции информации. В зависимости от реакции, самораскрытие углубляется или прекращается. Если партнер выражает неприятие информации и негативно реагирует на нее, процесс прерывается. Если он выказывает понимание, или даже демонстрирует амбивалентную реакцию, самораскрытие, скорее всего, продолжится.

Наконец, третья стратегия является стратегией «косвенного самораскрытия», когда предъявление стигмы не делается напрямую, а совершается посредством намеков, инсказаний, метафор, специфического стиля невербального поведения (третья колонка Таблицы 1).

Надежность полученных в исследовании результатов обеспечивается их согласованностью с результатами других исследований, предметом которых также являлись стратегии самораскрытия. В работе К. Динда и Т. Тью показано, что люди сознательно и произвольно управляют самораскрытием гомосексуальной идентичности [18]. В их исследовании речь идет о специфике пробного самораскрытия гомосексуалистов-мужчин. Они же исследуют приемы их косвенного самораскрытия. Н. Херман констатирует, что бывшие пациенты психиатрических клиник выборочно скрывают этот факт своей жизни [24]. С. Петронио и его коллеги доказывают, что подростки выбирают обстоятельства, при которых делают признание в том или ином неодобряемом взрослыми поступке, например употреблении алкоголя [32].

Литература

1. Горошко Е.И. Языковое сознание: гендерная парадигма (монография). – М.-Харьков: ИЯ РАН – Издательский Дом «ИНЖЭК», 2003. – 440 с.
2. Каменская О.Л. Гендергетика – наука будущего // Гендер как интрига познания. – М.: Рудомино, 2002. – С. 13-19.
3. Пропп В. Морфология сказки. – Ленинград: «Academia», 1928. – 135 с.
4. Рикер П. Что меня занимает последние 30 лет / Историко-философский ежегодник. – М.: «Наука», 1991. – С. 296-316.
5. Светликова И.Ю. Традиция психологизма и формальная школа. – М.: Кафедра славистики университета Хельсинки: Новое литературное обозрение, 2005. – 168 с.
6. Слюсарева Н.А. Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. – Изд.2. – М., 2004. – 312 с.
7. Annamarie Jagose A. Inconsequence: Lesbian Representation and the Logic of Sexual Sequence Cornell University Press, 2002. – 208 p.

8. Augustinous, M., Walker, I. Social cognition: An integrated introduction. London: Sage, 403 p.
9. Baxter L.A. Interpersonal communication as dialogue: A response to the Social Approaches forum // *Communication Theory*. – 1992. – № 2. – Pp. 330-336.
10. Bruner J. 1962 On Knowing: Essays for the Left Hand. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
11. Bruner J. Acts of Meaning. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990. – 301 p.
12. Bruner J. Actual Minds, Possible Worlds. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1986. – 384 p.
13. Butor M. Inventory. – New York: Simon & Schuster, 1969. – 327 p.
14. Cain R. Stigma management and gay identity development // *Social Work*. – 1991. – 36. – P. 67-73.
15. Cameron D. Language and Sexuality. – Cambridge University Press, 2003. – 176 p.
16. Chodorow N. The reproduction of Mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender. – Berkeley, 2000. – № 4.
17. Clandinin D.J., Connelly F.M. Narrative Inquiry. – San Francisco, CA: Jossey-Bass, 2000. – 232 p.
18. Dindia K., Tieu T. Self-disclosure of homosexuality: The dialectics of “coming out” // Paper presented at the Speech Communication Association Convention. – San Diego, 1996, November.
19. Doan L. Fashioning Sapphism: The Origins of a Modern English Lesbian Culture. – Columbia University Press, 2000. – 284 p.
20. Epston D., White M., Murray K.D. A proposal for re-authoring therapy\ S. McNamee, K.J. Gergen Therapy as Social Construction. – London: Sage, 1992. – P. 181-209.
21. Fiske S.T., Taylor S.E. Social Cognition. – New York: Random House, 1984. – P. 136.
22. Garnets L.D. Psychological Perspectives on Lesbian, Gay and Bisexual Experiences Columbia University Press, 2002. – 815 p.
23. Gershman H. The stress of coming out // *The American Journal of Psychoanalysis*. – 1983. – № 43. – P. 129-138.
24. Herman N.J. Return to sender: Reintegrative stigma-management strategies of expsychiatric patients // *Journal of Contemporary Ethnography*. – 1993. – № 22. – P. 295-330.
25. Keen E. Paranoia and cataclysmic narratives\ T. S. Sarbin Narrative Psychology: The Storied Nature of Human Conduct. – New York: Praeger, 1986. – P. 93-110.
26. Kitzing C. The Social Construction of Lesbianism. – London: Sage, 1987.
27. Kotre J. Outliving the Self: Generativity and the Interpretation of Lives. – Baltimore: John Hopkins University Press, 1984. – P. 264.
28. Liahna E. Bringing the U-Haul: Embracing and Resisting Sexual Stereotypes in a Lesbian Community // *Sexualities*. – 2006. – Vol. 9(2). – P. 171-192.
29. Limandri B. Disclosure of stigmatizing conditions: The discloser’s perspective // *Archives of Psychiatric Nursing*. – 1989. – III. – P. 69-78.
30. Montgomery B.M. Relationship maintenance versus relationship change: A dialectical dilemma // *Journal of Social and Personal Relationships*. – 1993. – № 10. – P. 205-223.

31. Parker I. Discourse dynamics: Critical analysis for social and individual psychology. – London: Sage, 1991. – P. 83.
32. Petronio S., Reeder H.M., Hecht M.L., Mon't Ross-Mendoza, T. Disclosure of sexual abuse by children and adolescents // *Journal of Applied Communication Research*. – 1996. – № 24. – P. 181-189.
33. Potter J., Stringer P., Wetherell M. *Social Texts and Context: Literature and Social Psychology*. – London: Routledge & Kegan Pau, 1984. – 268 p.
34. Potter J., Wetherell M. *Discourse and social psychology: Beyond attitudes and behavior*. – London: Sage, 1987. – 312 p.
35. Prince G. *Narratology: The Form and Functioning of Narrative*. – Berlin: Mouton, 1982. – 218 p.
36. Raymond J.G. *A Passion for Friends: Toward a Philosophy of Female Affection Spinifex*, 2001. – 280 p.
37. Rich A. Compulsory Heterosexuality and Lesbian Existence // *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. – 1980. – № 5. – P. 631-660.
38. Robinson P., Hawpe L. Finding literary paths: The work of popular life constructors\ T. S. Sarbin *Narrative Psychology: The Storied Nature of Human Conduct* New York: Praeger, 1986. – P. 103-114.
39. Sarbin T.R. *Narrative Psychology: The Storied Nature of Human Conduct*. – New York: Praeger, 1986. – P. 114.
40. Schafer R. *Language and Insight*. – New Haven: Yale University Press, 1978. – 284 p.
41. Spence D. Narrative smoothing and clinical wisdom / T.S. Sarbin *Narrative Psychology: The Storied Nature of Human Conduct* New York: Praeger, 1986. – P. 44 -61.
42. Stonequist E. *The Marginal Man. A Study in personality and culture conflict*. – N.Y., 1961.
43. Ussher J. The Meaning of Sexual Desire: Experiences of Heterosexual and Lesbian Girls // *Feminism and Psychology*. – 2005. – Vol. 15(1). – P. 27-32.
44. Wells J.W., Kline W.B. Self-disclosure and homosexual orientation // *Journal of Social Psychology*. – 1987. – № 127. – P. 191-197.